Н.М. Подгорных

Мои поля – мое богатство!

Родился я и прожил до восемнадцати лет в Кузбассе в шахтерском поселке Чертинский (г. Белово). Как у большинства детей моего послевоенного поколения, детские и школьные годы прошли в заботах не столько о духе, сколько о хлебе насущном. Рано лишившись отца (возвратившись с войны по ранению, он умер в 1951 г. в возрасте 45 лет), я вместе со своими четырьмя братьями и тремя сестрами, что называется, «хлебнул полной ложкой» всех прелестей жизни многодетных семей, оставшихся без кормильца, как в ту пору называли отцов. Жили мы на мамину пенсию, которую она получала по графе «потеря кормильца» в размере 440 р. в месяц. Понятно, что пенсии хватало только на хлеб, соль и сахар. Зимой валенки у нас с братом были одни на двоих, надевали их по очереди: сегодня – он, завтра – я. Первый раз увидел кино в семь лет, это был фильм «Повесть о настоящем человеке».

Воспитанием своим в детстве я обязан главным образом улице, чуть позднее – школе и моей маме. Да и старшие братья с малолетства приучали меня к посильному труду: помогать при строительных работах (жилье, хозяйственные постройки – всё сооружали собственными силами), обработке огорода, по уходу за домашней живностью и т. д. Невольно вспоминаю, и не верится самому, что наша семья заготавливала на зиму тысячу ведер картошки. Это десять тонн.

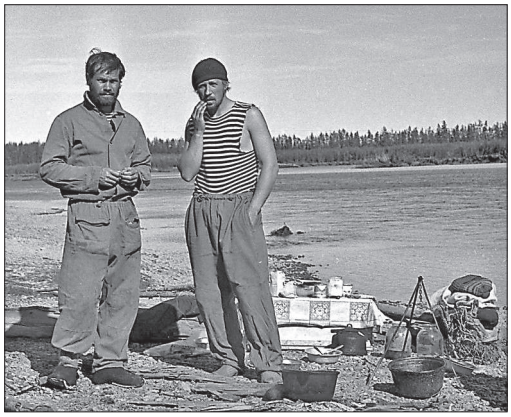
Последние два года обучения в школе прошли под знаком выбора профессии. Надо сказать, что учился я в одиннадцатилетней школе, поэтому вместе с аттестатом получил диплом углеобогатителя широкого профиля 5-го разряда. В выборе будущей специальности я раздваивался – военный моряк или геолог. Доехать до военно-морского училища у нас не было достаточных средств, оставался шанс выучиться на геолога: билет в общем вагоне до Томска и Новосибирска по тем временам стоил всего четыре рубля сорок копеек, что было эквивалентно двум бутылкам водки.

Итак, в 1964 г., сдав экзамены в Томский политехнический, я был зачислен на геолого-разведочный факультет. Увы, учиться там мне не пришлось: здоровье мамы резко ухудшилось, и кому-то из детей нужно было находиться рядом с ней. Вот здесь и пригодился мой диплом углеобогатителя: я поступил работать на обогатительную фабрику слесарем по ремонту оборудования. Свободное от работы время посвящал разбору и решению задач по математике и физике и на следующий год прошел по конкурсу на геолого-геофизический факультет НГУ.

Конечно же, окунувшись в «жизневорот» собратьев по духу (не только студентов геофака, но и сотрудников ИГиГ), старался, по мере возможности, участвовать во всех мероприятиях, которые проводились на факультете и в институте. Мне было интересно заниматься спортом, организовывать соревнования, дружеские «посиделки», участвовать в общественной жизни Академгородка и т. д. Но более всего меня привлекало таинственное слово, которое произносилось моими уже, можно сказать, коллегами с различными артикулярными вариациями. Это слово – «поле», или еще более ласкающее слух – «поля». О них рассказывали старшекурсники за рюмкой чая после очередной спортивной баталии либо за праздничным столом. Наиболее яркими эпизодами своей экспедиционной жизни делились на занятиях наши преподаватели. Ну как тут было не заболеть «полями»!

Первое мое знакомство с полем произошло летом 1966 г. на Алтайской студенческой геологической практике, где я был назначен старостой. Но настоящее крещение полем я получил в тот же год, когда провел два с половиной месяца в Восточном Казахстане на Рудном Алтае с аспирантом ИГиГ Иваном Александровичем Калугиным. Оста-

На катере по Оби. В отряде В.А. Николаева – студенты Н.П. Похиленко, А.А. Томиленко и Н.М. Подгорных



Н.М. Подгорных и А.С. Лебедев. Река Анюй, Чукотка, 1978 г.

Полевая баня: не всегда веники используются по прямому назначению. Б.А. Фурсенко, Н.М. Подгорных, М.А. Вавилов. Река Ломам, Алдан, Якутия, 1983 г.

Начальник отряда к.г.-м.н. В.П. Пругов готовит чай, рядом – Е.А. Тихонов, к.г.-м.н. В.А. Минин, д.г.-м.н. С. Округин (ИГ ЯФ). Месторождение Кондёр, 1990 г.

Сотрудники ИГиГ на научно-исследовательском судне «Антарес»: В.А. Акимцев, И.В. Рябов, Г.А. Третьяков, Н.М. Подгорных, О.П. Полянский, В.Ю. Колобов. Атлантика

Строительство плота для сплава по р. Оленёк. Якутия, 1974 г.

лось в воспоминаниях огромное кернохранилище, заставленное под потолок штабелями тяжеленных ящиков с керном, которые надо вытаскивать наружу, описывать, а затем затаскивать назад.

До сих пор помню наш лагерь у родничка в Родионовом логу, сорок, растащивших все сухари, разложенные на просушку, и оставивших нас на какое-то время без хлеба, множество змей и клещей, с которыми мы отчаянно боролись. Запомнилось ведро рисовой молочной каши из брикетов, которое я съел практически один, когда мы возвратились из рекогносцировочного маршрута на реку Бухтарму. Как можно забыть полевую клубнику величиной с голубиное яйцо, слаще которой я более нигде не встречал!

Затем были Обь и Иртыш – с В.А. Николаевым, П.Т. Новиковым, А.Н. Зудиным, В.А. Панычевым и сокурсниками – Колей Похиленко и Толей Томиленко; Дальний Восток – с В.Б. Василенко и В.В. Ревердатто; Кольский полуостров – с Л.И. Паниной; Восточные Саяны (диссертация) – с Аликом Ильиным; Армения, Камчатка, Чукотка, Алдан, Тунгуска – с Татьяной Юльевной Базаровой, Лёшей Керкисом и Сашей Лебедевым, Борей Фурсенко, Мишей Вавиловым и Колей Поповым; Хабаровский край, Горная Шория – с Вениамином Пруговым, Володей Мининым и Сергеем Ковязиным; Атлантика – с корабельной командой В.Н. Шарапова.

К сожалению, в кратком очерке невозможно рассказать о каждом и даже перечислить всех моих полевых соратников, с которыми я делил палатку, хлеб, соль, чай и спирт в экспедициях. Их насчитывается более сотни человек. Я им всем бесконечно благодарен. Из череды моих полей выделить какое-либо как особое я не в состоянии, поскольку они все мне дороги, каждое по-своему. Однако серия полей, объединенных единой тематикой, все-таки просматривается. Тем, что эти поля у меня есть, я обязан коллегам, которые занимаются поисками кимберлитов и россыпей алмазов.

За науку в области поисковой геологии алмазов говорить не берусь, поскольку о ней было много сказано нашими лидерами – Николаем Владимировичем Соболевым и Николаем Петровичем Похиленко в первой книге об истории ИГиГ. Я же попытаюсь осветить некоторые события, происходившие в тех полях, взглядом «человека со стороны», для которого участие здесь было скорее хобби, чем работой. Хобби, однако, странное – за него еще и приплачивали, в последнее время, случалось, неплохо. Первое в этой серии поле состоялось в 1974 г. в Якутии на р. Оленёк. Водный маршрут пролегал от одноименного поселка до устья р. Беенчиме с заданием: «Шлихо-минералогическое районирование бассейна р. Оленёк». В составе нашей группы были четыре новосибирца и два москвича. Самому стар-

шему из нас не исполнилось и сорока, а младшенький – Шурик Родионов – был еще студентом. Так что будем считать, что коллектив молодежный. С давних времен замечено: все, что происходит с человеком впервые, впоследствии вызывает самую щемящую ностальгию.

До сих пор в памяти всплывают моменты этого поля, которые переживаю вновь и вновь: первый плот – плавучий дом на 200-литровых бочках из-под бензина, сконструированный и построенный нами; первый шлих, отмытый самостоятельно, но под строгим оком Петровича, моего однокашника и учителя в этом поле одновременно. Впервые увиденный алмаз (опять же в лотке Петровича), первая пойманная крупная рыба – ленок килограмма на три (когда я подцепил его на блесну, то своим криком напугал весь отряд); маршрут на трубку Аэрогеологическая, в котором едва не заблудился в тундровом болоте. И конечно же, запах и вкус свежего хлеба (после двухмесячного питания сухарями), который испек тот же Петрович в железной полубочке, и в изобилии прекрасная подкопченная рыбка.

Научный руководитель отряда Н.В. Соболев часто вспоминает случай, когда мы в трехдневном маршруте на трубку Чомурдах остались в последний день без продуктов. По счастью, мне удалось в буквальном смысле этого слова достать из глубокого омутка речки Чомур десяток крупных хариусов, закоптить их горячим дымом и «подпитать» (съедено было без соли!) вернувшихся с шлихования четверых моих товарищей. Как я их «достал», без крючка и лески (оставил их на промежуточном лагере), удивляюсь до сих пор. Пришлось искать подручные средства для изготовления снасти, благо рядом была заброшенная маленькая обогатительная фабрика. Нашел кусок металлического троса, отрубил одну струну, сделал крючок, расплющил молотком цевье крючка, выдернул из транспортерной прорезиненной ленты нитку, привязал крючок к палке – получилась удочка. Наживка – пауты во множестве летали вокруг меня.

Насадив паута на крючок, я подносил его к воде. Наживка не успевала коснуться воды, как на нее бросался хариус, самый крупный из стаи. Подсечь как следует рыбу я не мог, поскольку крючок не был острым. И поэтому я тащил рыбу на берег до тех пор, пока ей было жалко расставаться с паутом. Поняв, что она оказалась на суше, рыба открывала рот, отпускала паута и скатывалась по крутому берегу назад, в омут. Не помню, сколько времени продолжалась рыбалка, но очередного хариуса удавалось добыть только после пятой или шестой поклевки.

Второй раз Оленёк гостеприимно принял нас в 1977-м. Численный состав экспедиции сохранился, однако на сей

Плавучий дом с комфортом, у Н.В. Соболева – отдельный кабинет. Река Оленёк, Якутия

Перегрузили плот рыбой – сели на мель. Главные бурлаки – Н.П. Похиленко и Н.М. Подгорных. Река Оленёк, 1977 г.

Экспедиция на р. Оленёк. Стоят: А.Ф. Кравченко, А.С. Родионов, Ю.И. Овчинников, Н.П. Похиленко; сидят: Н.М. Подгорных, Н.В. Соболев, Е.И. Черепов. 1977 г.

Н.П. Похиленко и Н.М. Подгорных «застолбили» открытую ими алмазную россыпь «Танюшка». Река Куойка, Якутия, 1977 г.

Н.М. Подгорных и Н.П. Похиленко возле небольшой лодочки с мотором, которая использовалась в маршрутах по мелким притокам р. Оленёк

Нашли алмазоносную россыпь – можно и перекусить. Н.П. Похиленко. Река Оленёк, Якутия, 1977 г.

раз команда состояла только из новосибирцев. К участникам предыдущей экспедиции – Н.В. Соболеву, Н.П. Похиленко, Н.М. Подгорных, А.С. Родионову, Е.И. Черепову – добавились геолог Ю.И. Овчинников и завлаб Института физики полупроводников, д.ф.-м.н., профессор А.Ф. Кравченко, числящийся в штатном расписании лаборантом отряда № 23/1. Надо сказать, что остроумный Александр Филиппович даже бравировал этим при случайных встречах и знакомствах, показывая значимость науки «геология». Человек он был спокойного, уравновешенного нрава, очень хороший полевик – чудесный охотник, удачливый рыбак, умелый повар, рачительный хозяйственник, доброжелательный и умный (с язвинкой) собеседник и великолепный рассказчик.

Полевой сезон 1977 г. рассматривался нашими руководителями как продолжение и детализация исследовательских работ предыдущих лет. Маршрут был пройден вторично с достаточно хорошим результатом на выходе: были застолблены три алмазные россыпи на одном из притоков реки Оленёк. О том, как эти россыпи были найдены, надо рассказывать отдельно. Здесь же упомяну лишь пару эпизодов и ряд выведенных мною полевых заповедей:

• *Заповедь первая*. Если ты с поисковыми целями попал в центральную или северную часть Якутии на реку, в пойме и русле которой есть гравийно-галечно-песчано-глинистые косовые отложения, – будь уверен, что в этих отложениях содержатся если не алмазы, то их спутники обязательно. Ищи и обрящешь!

• *Заповедь вторая*. Если ты на хорошей косе «добыл» гусей (не больше, чем требуется, чтобы поддержать силы отряда!), а затем, попив чайку, намыл большой пироп малинового цвета, не останавливайся на достигнутом, мой дальше. Алмазы проявятся!

• *Заповедь третья*. Когда пойдут алмазы, не суетись, отмывай их спокойно. Не заглядывай при этом в лоток соседа и не завидуй его находкам: будут алмазы и у тебя!

• *Заповедь четвертая*, из которой вытекают первые три: чтобы достичь ожидаемого результата, надо «копытить» и «лопатить» (услышал от Петровичей – Белика и Похиленко), а как альтернатива – нужно просто «пахать» (в этом я согласен с Мишей Вавиловым и Сергеем Кулигиным).

Памятуя об этих заповедях, с божьей помощью и поддержкой Евгения Ивановича Черепова, который завез вверх по реке до середины маршрута бензин для нашей сборной лодки, мы с Петровичем отправились на опробование трубок Второгодница и Пятница. Отправились на сутки, а задержались – на трое. В азарте увлеклись: когда обнаружили первую россыпь, захотелось пойти выше по течению, не подумав о том, что силы не беспредельны и придется возвращаться назад. Только начали возвращаться, как поднялся шторм, по-

дул сильный холодный ветер, лодку заливало водой. Идти было практически невозможно. Впечатление такое, будто Баянай (местное божество) не хотел нас выпускать из этого места.

По всем писаным и неписаным полевым законам и понятиям мы поступили неправильно. Осознаю и охотно разделяю то негодование, которое царило в отряде, когда мы вернулись в базовый лагерь к плоту. Там уже была снаряжена группа, готовая выйти на поиски. На контакт с нами пошел лишь Шура Родионов (хотелось бы думать, не только из меркантильных соображений). Он вскипятил чайник, разогрел приготовленную еду и присел с нами к столу. Мы с Петровичем перекусили, потом попросили его плеснуть нам в кружки немного согревающей жидкости (которую он называл «медишин»). Шура плеснул, не обойдя себя тоже, и пояснил: «Перенервничал».

Услышав наш разговор, из палатки вышел Е.И. Черепов в наброшенном на голое тело полушубке. Подсел к столу, закурил. Ему было интересно узнать, воспользовались ли мы его трудами и как вела себя лодка под мотором (он был механиком в нашей команде). Перебивая друг друга, мы поблагодарили его, сказав, что без его содействия нам бы ни за что не забраться так высоко вверх по реке и не найти того, что нашли. Он не придал особого значения этим словам, а Шура стал настаивать полушутя: «А ну показывайте, что нашли, не то больше не пропишу медишин. Вы простудитесь и заболеете!»

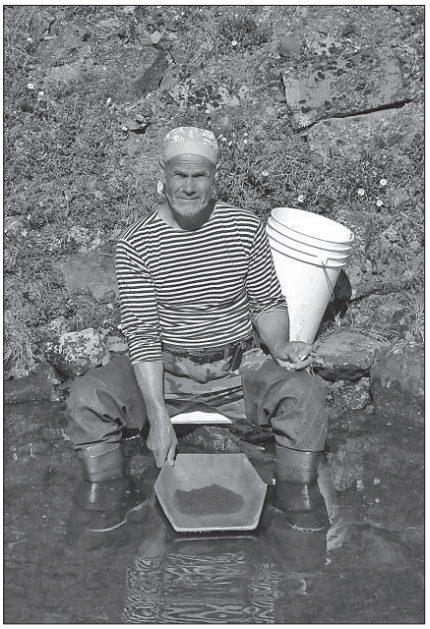
Пришлось показать. Петрович тщательно протер фарфоровое блюдце кухонным полотенцем и высыпал в него из пластикового футляра от фотопленки несколько прозрачных кристалликов. Реакция у собеседников на это была различна. Поскольку уже вечерело и было сумеречно, то Шура, сняв очки, наклонился, приблизил лицо к блюдцу, осмотрел его содержимое, крякнул, выпрямился, надел очки и произнес тираду, которую не могу здесь процитировать. Евгений Иванович, пододвинув блюдце к своему краю стола и перебирая пальцем кристаллики, спросил: «А что это такое?» Услышав ответ, немного погодя громко прокричал в сторону палатки: «Коля (Н.В. Соболеву), иди сюда!»

Николай Владимирович, покряхтывая, нехотя вылез из палатки, подошел к столу, присел на раскладной стул, не вступая в разговор и не обращая внимания на то, что находится на столе. Евгений Иванович придвинул блюдце к его краю стола и предложил: «Посмотри-ка!» Тот, едва взглянув на блюдце, округлил глаза и стал поочередно поглядывать на нас с Петровичем, при этом повторяя одну и ту же фразу, состоящую из трех распространенных, но не часто произносимых в быту слов и одного междометия: «Ох, …!»

А наутро у меня возникли очень серьезные проблемы с моим собственным «мотором». Остаюсь до сих пор благодарным Валентине Викторовне Соболевой за заботу о здоровье супруга. Собирая в поле, она снабжала его хорошим набором лекарств, в том числе и сердечных. Склонен полагать, что, если бы не было с нами ее сумки с медикаментами, вряд ли вам пришлось бы читать эти строки. После возвращения домой ходил к медикам на обследование. Сказали, что я везучий.

За время двухмесячного маршрута, в течение которого мы прошли около 1200 км, у нас было всего лишь четыре встречи с людьми, обитающими в тех краях. Две из них – на метеостанциях Маак и Сухана (по названиям рек, напротив устьев которых они расположены). К Сухане мы приближались, уже изрядно поиздержавши продукты, а из хлебного в запасе оставались только сухари и мука. Нам было известно, что на метеостанции есть хлебопечка. Петрович – главный спец по хлебу – решил воспользоваться случаем и сделать пару выпечек хлеба. Заготовил заранее опару и отправился на моторной лодке, опережая плот, к метеостанции, чтобы к нашему прибытию протопить хлебопечку, а если успеет, то и баню.

У причала Суханы наш плот встречал весь личный состав метеостанции, Петрович и свора собачек. После знакомства и короткого общения нам было предложено, не теряя времени, идти в протопленную уже баню. Она была довольно просторной, так что помывка всех членов отряда прошла быстро, после чего, как это водится у россиян, состоялось небольшое застолье



К.г.-м.н. Н.М. Подгорных. Поиск алмазов на севере Канады

«с легким паром». В застолье принимали участие все присутствующие на метеостанции (кроме собачек), и завязалась непринужденная оживленная беседа.

Отужинав, мы погрузились на плот и отчалили, оставив Петровича дожидаться окончания выпечки второй закладки теста. Через два часа услышали рев мотора, работающего на полном газу, и увидели мчащуюся на глиссировании лодку с Петровичем. С сияющим лицом он сгрузил хлеб с лодки на плот. Но чаще всего мы сами строили мини-пекарни и выпекали свой хлеб в тех местах, где у нас были длительные стоянки. Позднее приспособились строить полевые бани, которые превосходят деревенские и тем более городские по чистоте, духу и свежести пара. Лучшие бани получались тогда, когда их строительство курировал Миша Вавилов. Отдавая ему пальму первенства, мы называли их «Вавиловские бани».

В кимберлитовой серии полей было у меня еще много сезонов в Якутии и Канаде, два – в Финляндии и один – в Швеции. Каждое поле пока еще помню. Может, Бог даст сил и лет, напишу еще и о тех, с кем бывал в экспедициях. С тех пор как я соприкоснулся с геологией, уже более сорока лет, весною, как только начинает таять снег, я испытываю ни с чем не сравнимое чувство манящей душевной свободы. Но порой бывает так, что разум шепчет: «Тебе оно надо? Опять ведь наищешь на свою голову приключений. Живи себе спокойно, выращивай редис и укроп в огородике, попивая пивко…» И, казалось бы, уже прислушался к голосу разума, отложил в сторону рюкзак, который хотел было «перебрать», однако обнаружил, что у рюкзака почти оторвалась лямка. Подумалось: «Непорядок, надо бы пришить!» А игла с ниткой – в рюкзаке. Отстегнул клапан, нашел иглу с ниткой, выложил все вещи на пол, пришил лямку. Начал укладывать в рюкзак все, что достал из него ранее. Уложил сапоги, сменную одежду, портянки, в которые завернута коробочка с рыболовными снастями (в коробке – звякнуло, сердце – ёкнуло!), любимую энцефалитку, сумку-планшетку, штормовку – под клапан… И вдруг от штормовки пахнуло костерком. Голова не закружилась, но разум помутился и перестал нашептывать… Я снова свободен! В поля!

***Подгорных Николай Михеевич** – канд. геол.-мин. наук, зав. Центральным Сибирским геологическим музеем, ветеран ИГиГ (работает с 1970 г.)*